

Взгляд Лу Цяньтана медленно потемнел.

— Понял, сейчас займусь.

Жао Сысин слегка кивнул ему. Лу Цяньтан обернулся и добавил:

— Главное, чтобы живой, так? А если без руки или ноги, господин Жао, засчитаете?

Жао Сысин усмехнулся:

— Засчитаю.

Лу Цяньтан взял с собой несколько десятков человек и под покровом ночи проник на Цзиньцишань. Вернулся в лагерь он только ближе к полудню следующего дня. Клинок его был покрыт засохшей кровью, а сам он выглядел так, будто всю ночь дрался со стаей волков. Рукава одежды были изорваны в клочья, а на подбородке красовался свежий, только что затянувшийся шрам.

Лу Цяньтан швырнул связанного великого жреца, которого тащил живьём за конём, личной охране Жао Сысина. Жрец тяжело, с хрипом дышал, рот его был в крови, вид имел довольно устрашающий.

Жао Сысин взглянул на связанного, словно осьминога, человека со шрамом на лице и с удивлением приподнял бровь:

— Ты что, людей вяжешь, как душа пожелает?

На лице Лу Цяньтана мелькнуло нетерпение. В правой руке он сжимал клинок, а левой постоянно нащупывал что-то на груди.

— Всех крыс внутри прикончили, оставили только этого живого. Ногу ему перебил, в остальном цел, не спятил, не одурел. Можете проверить товар, господин Жао.

Жао Сысин, подперев щеку рукой, разглядывал его несколько мгновений.

— Ладно, зачту тебе заслугу. Ты, однако, оказался куда более... — он бросил взгляд на безвольно болтающуюся ногу того, со шрамом, — судя по всему, не просто перебил, а вдребезги... — он замолчал, затем взгляд вновь вернулся к лицу Лу Цяньтана, — куда более решительным, чем я думал.

Жао Сысин вспомнил, как в начале года пил с Шань Чилю, и тот как-то обмолвился о Лу Цяньтане, сказав, что тот слишком мягок, на отца не похож, и вряд ли из него выйдет толк.

Жао Сысин отмахнулся, давая Лу Цяньтану уйти, и подумал: «Ну, мягкости-то я тут не вижу. Неужели северо-западный песок и впрямь может сделать человека твёрдым, как камень?»

Вернувшись, Лу Цяньтан переоделся, достал из-за пазухи то самое кольцо-баньчжи из южного красного нефрита. Прекрасное, изящное кольцо было пересечено глубокой трещиной, будто от удара клинком или иным острым оружием. Повреждение бросалось в глаза, и единственной удачей было то, что оно не разломилось пополам.

Лу Цяньтан вертел кольцо в пальцах, разглядывая со всех сторон, и всё его существо излучало ярость.

Цинь Хуаньлин вошёл снаружи, чтобы принести ему лекарство.

— Главарь, на лицо мазь наложи. Ты же тогда почему в сторону-то рванул? Отступил бы назад — и лицо бы не порезал, да и доспех на теле хоть какую-то защиту даёт... Что такое? Кажется, не в духе?

Лу Цяньтан спрятал кольцо.

— А царапины на нефрите убрать можно?

Цинь Хуаньлин задумался.

— Я только видел, как сломанные нефритовые браслеты золотом или серебром скрепляли. Насчёт царапин не знаю, вряд ли что поделаешь.

Лицо Лу Цяньтана стало мрачным. Он нацепил кольцо на большой палец и принялся водить по трещине, словно пытаясь стереть её. Цинь Хуаньлин, увидев вещь у него в руках, вроде бы понял, почему его главарь только что с таким недовольным видом лягнул и сломал ногу тому, со шрамом.

Осторожно он спросил:

— Главарь, это кольцо поцарапали? Неудивительно, что расстроился. Кто-то подарил?

Лу Цяньтан бросил на него взгляд.

— Поменьше болтай. К этому не относится.

Цинь Хуаньлин прикусил язык. «Ладно, раз говорит, что не относится, значит, не относится», — подумал он, а потом окликнул:

— Эй, главарь, ты это что, всё время с собой носишь? Не боишься потерять? С виду дорогая вещь.

Лу Цяньтан убрал кольцо, сжав в ладони.

— Не потеряю.

Цинь Хуаньлин усмехнулся.

— Ну, раз не потеряешь, то и ладно. У моей матери есть пара серёжек, наверное, самая ценная вещь в нашем доме. Боится потерять, вот и связала их верёвочкой, на шею надела, под одеждой носит. Где уж там надеть-то.

Он посмотрел на погружённого в свои мысли Лу Цяньтана и вдруг вспомнил.

— А, говорят, мы через некоторое время передислоцируемся? Вроде как в три северо-западные крепости отправят. Там куда оживлённее будет, слышал, много всего интересного. Главарь, может, там и способ починить твоё кольцо найдётся.

Лу Цяньтан только что пришёл в себя, ненадолго задумался.

— Меньше чем через полмесяца уходим, чуть не забыл. Напомни людям, чтобы всё как следует пересчитали.

Цинь Хуаньлин откликнулся.

— А господин Жао говорил, что нужно вперёд продвигаться. Мы же Цзиньцишань уже облазили. Куда же ещё?

Лу Цяньтан опустил глаза на свои руки.

— Не знаю. Просто следуй за ним.

Цинь Хуаньлин не стал дальше портить ему настроение, мысленно цыкнул. «Явно же из-за этого не в духе, а признаваться не хочет».

С наступлением ночи они последовали за Жао Сысином, обошли вокруг Цзиньцишань и обнаружили несколько потайных подземных ходов, где хранилось множество доспехов, оружия, пороха и прочего. Вероятно, это было то, что те не успели забрать в паническом отступлении.

Жао Сысин сказал:

— Вы были здесь вчера, должны знать — внутри настоящее разбойничье логово. Взгляните на всё это. Что думаете?

Один солдатик пробормотал:

— Должно быть, это их склад. Обычное оружие и доспехи здесь хранят, чтобы в случае войны можно было в один миг превратиться... из пастухов в разбойников.

Жао Сысин многозначительно усмехнулся.

— Лу Сяоци, а ты как думаешь?

Лу Цяньтан, уставившийся на перемешанную землю, отозвался:

— Эти вещи пролежали здесь, должно быть, недолго, земля свежая. Да и порох такая штука — сырости боится. Хоть здесь и сухо в основном, но место-то на склоне горы, под землёй, вещи легко могут испортиться. Значит, скорее всего, временно здесь припрятали, передохнуть хотели.

Жао Сысин промычал в знак согласия.

— Что ещё?

Лу Цяньтан поднял на него взгляд.

— Несколько дней назад я в доме одного пастуха много подобного добра нашёл. Значит, те люди часто в этих краях ошиваются, и не первый день. И возможности использовать эти штуки у них много, вот и не боятся, что отсыреет или червь точит.

Жао Сысин рассмеялся.

— Может, перейдёшь ко мне? В Янцзин. Ты мне нравишься. В такой глухомани песок жевать — жалко.

Лу Цяньтан знал, что тот шутит, лишь опустил голову.

— Вы слишком добры, господин Жао.

Жао Сысин хлопнул его по плечу.

— Знаю, в Янцзин ты не хочешь.

Лу Цяньтан ещё не успел отреагировать, как Жао Сысин вдруг приблизился и понизил голос:

— В Лянъянь вернуться хочешь, да?

Лу Цяньтан промолчал. Жао Сысин, похоже, и не ждал ответа. Он снова хлопнул его по плечу.

— Ладно, мёртвые вещи нашли, теперь пора и за живыми взяться.

Перед тем как покинуть Цзиньцишань, Жао Сысин в основном выкорчевал всех этих иноземцев, что чудили тут и строили из себя колдунов. На горной тропе их окружила банда тунцянцев, на возвышенностях установили тугие луки. Лу Цяньтан с десятком своих людей стал живым щитом и буквально прорубил путь.

Перед отъездом из Лянгуня Жао Сысин сдержал обещание и повесил его до цысыпин цидуйвэя. К концу десятого месяца они успели дать множество больших и малых сражений в разных местах Лянгуня. Лу Цяньтан каждый раз вызывался идти в авангарде, заявляя: «Одержим победу — проложим дорогу, падём — станем жертвой во славу армии». Возглавляемый им отряд лёгкой кавалерии Лянгуня осмеливался бросаться в любую схватку. Почти за три месяца в наманьских войсках прослышали, что среди лянгуньской конницы есть отряд, не дорожащий жизнью, и, столкнувшись с ним, можно только сражаться насмерть, отступишь на шаг — загрызут.

Клинок Лу Цяньтана, «Волчий бег», по-настоящему вкусил крови, срубив головы нескольким вражеским военачальникам. Последнее сражение в конце десятого месяца развернулось уже на стыке земель Лянгуня и Лянъяня. Впервые за десять лет Лу Цяньтан оказался так близко к Лянъяню.

Наманьское войско и так было измотано долгим переходом, к этому моменту силы его были на исходе. Армия Великой Ци же всё это время гремела победными песнями и была неудержима. И вот, до наступления зимнего месяца им наконец удалось изгнать этих наманьцев с земли Великой Ци.

<http://bllate.org/book/16145/1445947>